

**ВНЕСИСТЕМНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
КАТЕГОРИИ *ОПРЕДЕЛЕННОСТИ* / *НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ* В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Илия Солтиров

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

**EXTRASYSTEMIC GRAMMATICAL MARKERS OF
THE CATEGORY OF *DEFINITENESS* / *INDEFINITENESS*
IN RUSSIAN**

Iliya Soltirov

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

This article is devoted to the analysis of homonymy in the system of functional parts of speech and inflexions. The purpose of this research is to define the significance and the role of “stray” particles in Russian. The article is devoted to the context in the text.

Key words: inflexions, functional parts of speech, “stray” particles, context.

Данная работа посвящена некоторым примарным партикулам в современном русском языке. Этот внесистемный класс демонстрирует глубокий исторический генезис своего зарождения. Партикулы теснейшим образом связаны с логико-семантической категорией *определенности* / *неопределенности*. В функционировании партикул прослеживаются особенности репрезентации значения *определенности* или *неопределенности*. Татьяна Николаева впервые поднимает вопрос о существовании партикул в современной русистике.

Значение *определенности* / *неопределенности* является логико-психологической категорией, отражающей противопоставление конкретности и абстрактности, частного и общего значения, индивидуальности и множественности, частичности и полноты объема, известности и неизвестности, утверждения и отрицания. Данная

категория составляет логический каркас в сознании людей и характеризуется множественностью своих собственных смысловых признаков, которые не могут быть сведены лишь к одному точно определенному антагонизму. Она характеризуется также и высокой степенью обобщенности и регулярности употребления. Несмотря на такую абстрактность и расплывчатость вышеизложенного утверждения, именно на этой основе можно выделить семантический признак определенности, который представляет собой инвариант сопоставляемых лингвистических понятий. Отношение *определенное / неопределенное* является одной из основных категорий мышления и обыденного сознания, так как люди живут в мире, построенном на бинарной оппозиции *определенности / неопределенности* и благодаря этому отношению они способны членить мир на отдельные вещи, на знакомое и незнакомое и т.п. Таким образом, говорящий устанавливает разные отношения между предметами и упорядочивает явления логического уровня. Благодаря способности этой категории к семантической градации после тщательного анализа данных в ее структуре могут быть выделены ее ядро и ее периферия. Как уже было отмечено, ядром можно считать бинарное противопоставление *определенности / неопределенности*; центром семантического поля определенности является конкретизация, а центром семантического поля неопределенности является генерализация. С точки зрения денотативных содержаний отношение *определенности / неопределенности* связывается с другими сторонами внеязыковой действительности – с делением целого на части, с отношением принадлежности, с определением количества, с проблемой отрицания, с перечислением разных предметов. Следовательно, на периферии находятся следующие логические понятия и категории: партиитивность, посессивность, количество, отрицание. В связи с этим особое место занимает конъюнкция, которая представляет собой логическую операцию. Все эти логико-психологические объекты эксплицируют свое конкретное значение в речевом контексте, но с абсолютной уверенностью их можно описывать как варианты отношения *определенности / неопределенности*. Выявление значения партиитивности, посессивности, количества, отрицания рассматривается как акт субкатегоризации в границах категории *определенности / неопределенности*. Их взаимодействия и семантические пересечения будут служить исходным пунктом для анализа языковых формативов *А, И, У*. Каждое из этих значений выражается при помощи заданных формативов, но несколько по-своему интерпретирует их. Несомненно

существует зависимость между указанными структурными единицами и категорией *определенности / неопределенности*. Но какова она на самом деле? Цель работы – признание наивно-когнитивной природы формативов *А, И, У* в связи с их отношением к категории *определенности / неопределенности*. Такая трактовка достигается за счет „ущемления“ некоторых общепринятых внутренних законов эволюции языка, поскольку приходится несколько отойти от их целостности и вступить в своеобразную борьбу с системными факторами в этой сфере.

В структуре языка категория *определенности / неопределенности* имеет прежде всего двойное выражение – лексическое и грамматическое. Эта категория складывается еще из просодического, семантического и прагматического компонентов. Такое многообразие способов выражения считается нормальным, так как любая логическая категория передается в языке совокупностью формальных способов. По этому поводу В. Плуноян пишет: „В языке с неграмматизированной детерминацией в распоряжении говорящего имеется целый набор разнородных средств (лексических, синтаксических, морфологических), которыми он может пользоваться по своему усмотрению“ (Плуноян 2003: 285). Все операции и способы выражения *определенности* не входят в задачу настоящей работы. Интерес здесь вызывают партикулы *А, И, У* и их связь с категорией *определенности / неопределенности*.

Термин *партикулы* впервые был введен в русской лингвистической традиции Т. Николаевой (Николаева 2008). Автор отмечает, что „партикулы – не таксономическая категория привычной языковой системы“ (Николаева 2008: 8). Для удобства следует отметить основные отличительные признаки всех партикул: 1. Они имеют отношение к скрытой памяти языка, в них закодированы тончайшие знания и понятия. 2. Партикулы являются первичными образованиями, поэтому они связаны с проблемой генезиса языка. Они зарождались в языке по продуктивным законам. 3. Это асимметричные структуры, которые обладают внесистемным характером с точки зрения общепринятой лингвистической традиции, хотя они практически строят систему. Они образуют самостоятельный, ранее неописанный языковой уровень. 4. Партикулы очень часто носят резко выраженный диффузный характер. В современном русском языке они занимают промежуточное место, что связано с их двойственной природой. С одной стороны, они способны прилипать друг к другу, создавая

вместе с тем новую лингвистическую единицу (*у+же, да+же, та+къ+же*). В связи с этим Татьяна Николаева подробно и тщательно описывает взаимодействие партикул между собой. С другой стороны, они присоединяются к знаменательному слову в виде флексий (*книгУ, братА, девочкИ*). Кроме того, они функционируют и самостоятельно (*учебник И тетрадь; мужчина, А не женщина*). 5. Они строят парадигмы. 6. Их число ограничено, такие частички не возникают в наше время. 7. Партикулы характеризуются высокой частотностью употребления, дискурс функционирует благодаря их помощи. Они передают мельчайшие оттенки внеязыковой действительности. 8. Партикулы представляют собой очень простые образования. 9. Партикулами могут стать союзы, частицы, междометия, артикли, флексии, предлоги, местоимения. Подробно о партикулах см. в: Николаева: 2008.

Очень часто парадигмы разных классов построены одними и теми же партикулами. Например, партикула *И* встречается и в разряде имен существительных (*ученикИ*), и в разряде имен прилагательных (*искреннИ*), и в разряде имен числительных (*однИ*), и в разряде местоимений (*твоИ*), и в разряде глаголов (*читалИ*). Кроме того, нельзя не заметить, что во всех этих случаях форматив *И* указывает на некую отвлеченную множественность. Возникает вполне логичный вопрос: можно ли эксплицировать смысл окончания *И* через союз *И*, смысл окончания *А* через союз *А* и т.д.? Ответ положителен, поскольку такое деление на служебные слова и служебные морфемы релевантно только для системного описания языка. Репрезентация значений одних партикул при помощи функционирования других партикул (в качестве логических союзов) здесь называется *языковой конъюнкцией*. С позиции партикул форматив *И* обладает постоянным (обычно очень абстрактным) значением, независимо от того, совпадает ли он в структуре языка со служебным словом или со служебной морфемой. Приходится проиллюстрировать это явление примерами и языковыми фактами. Что означает словоформа *ручкИ*? Это *ручка, И ручка, И ручка* и так будет продолжаться такое объяснение до бесконечности, поскольку точное число ручек неизвестно. Однако производит впечатление, что при расшифровке словоформы *ручкИ* (точнее при расшифровке ее окончания) участие принимает союз *И*, который выполняет те же самые функции, что и окончание множественного числа *И*, а именно: соединяет, связывает, объединяет отдельные компоненты в единое целое. К тому же партикулярный статус форматаива *И* подтверждается его принадлежностью к категории

определенности / неопределенности. Форматив *И* у словоформ *ручкаИ*, *ученикИ*, *карандашИ* указывает на неопределенное число предметов. Таким же образом обстоит дело и в других случаях.

Как следует расшифровать окончание принадлежности *А* у слов *ученикА*, *студентА* в выражениях типа *книга ученикА*; *машина студентА*? Для того, чтобы ответить на вопрос, важным представляется придерживаться тех когнитивных подходов, которые помогли понять значение формата *И*: *это книга именно ученикА*, *А не ученицы*; *это машина именно студентА*, *А не студентки*. Еще раз союз декодирует служебную морфему, придавая ей определенный смысл. Тем самым он помогает понять ее значение. Форматив *А* в двух этих случаях сопоставляет, выделяет, актуализирует данные. Он (как и все партикулы) стыкуется теснейшим образом с категорией *определенности / неопределенности*. В выражениях *книга ученикА* и *машина студентА* форматив родительного падежа *А* указывает на принадлежность, т.е. предмет актуализируется через его отношение к другому предмету. В структуре партикул можно выделить очень важную прагматическую функцию. Они вызывают в сознании слушающего дополнительную ментальную информацию, которую максимально можно извлечь в контексте. Форматив *А* у словоформы *ПетрА* в предложении *Это карандаш ПетрА* указывает не только на принадлежность предмета данному лицу, а и на дополнительные смысловые нагрузки. То, что карандаш принадлежит Петру, означает еще, что этот предмет в то же самое время не может принадлежать другому лицу, кроме Петра. Таким образом, человек, которого зовут Петр, выделяется, контрастирует с другими похожими предметами, актуализируется в контексте на основе взаимодействия категории *посессивности* и категории *определенности / неопределенности*.

Можно прийти к выводу, что каждая отдельная партикула закрепила за собой определенный инвентар семантических спектров, которые не изменяются в зависимости от того, к какому языковому разряду относят данную партикулу. Это можно привести к тому, что окончания (в грамматическом строе) будут обозначать не только грамматические значения, а и смысловые. А если пойти еще дальше, то можно заключить, что отношение *определенности / неопределенности* все-таки получает морфологическое падежное оформление в современном русском языке, противопоставляя употребление родительного падежа винительному. Подобная трактовка проблемы позволяет сделать перечень значений данной партикулы независимо от того, к какой парадигме следует причислить

ее. Производит осязательное впечатление тот факт, что чаще всего в процессе формирования парадигм участвуют партикулы *А, И, У*, т.е., данные формативы встречаются в языке больше других. В большинстве случаев это говорит о следующем: чем чаще одни партикулы встречаются в нашу эпоху, тем дальше они уходят в прошлое и тем слабее их первичная семантика ощущается. Следует отметить, однако, что данная трактовка с позиции партикул характеризуется изоморфизмом. Она допускает на лексическом, морфонологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях (несмотря на их системное различие) одинаковые подходы к языковому материалу. Эту внесистемную ситуацию О. Есперсен описывает следующим образом: „Расположение форм парадигматическое; все формы одного слова даются вместе, но не делается никакой попытки сопоставить одни и те же окончания, если они встречаются в различных парадигмах“ (Есперсен 1958: 28). Партикулы *А, И, У* служат лишь доказательством того, что тенденцию можно найти и вне парадигм. Как аффиксы, так и партикулы могут быть представлены списком, в силу того, что количество партикул изначально ограничено.

Сказанное выше имеет непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу, так как все партикулы без исключения стыкуются со значением *определенности*. Их функции могут отличаться друг от друга, однако связь с категорией *определенности / неопределенности* остается центральной. За парадигмами разных языковых классов скрывается некая тенденция, которую нельзя опустить из виду. Тенденцию можно сформулировать именно так: категория *определенности / неопределенности* в современном русском языке опирается на функционирование трех основных партикул – *А, И, У*. Они действуют на уровне бессознательного, говорящий их не выбирает во время речевого процесса. Этой своей характеристикой партикулы *А, И, У* четко отличаются от лексических способов выражения определенности, например, где говорящий сознательно выбирает одну конкретную лексическую единицу с определенной интенцией. Так в предложении *Вчера один человек ужинал со мной* числительное *один* употребляется в роли неопределенного местоимения, где говорящий сам моделирует данное предложение, выбирая употребить или не употребить конкретную языковую единицу с определенной целью. В этом случае говорящий не хочет сказать, с кем он ужинал. Поэтому он употребляет имя числительное в роли неопределенного местоимения, чтобы скрыть

самоличность человека. Выделяется на передний план процесс прономинализации в виде лингвистической транспозиции.

Итак, в языке намечаются артиклеобразные формативы, которые почти грамматикализировались. С точки зрения выполняемых функций партикулы очень похожи на артикли, но первые имеют внесистемный характер, потому что в их сфере нет единства смысла и общеобязательного языкового выражения с точки зрения современного понимания структуры языка, так как партикулы встречаются на разных языковых уровнях и входят в состав разных языковых структур. Только намечаются некоторые (хотя и частотные) тенденции в этом отношении. Их можно считать своеобразными строительными формативами этого отношения. Так, например, в конструкциях *просить деньгиИ*, *купить клубникУ* значение *определенности* выражается при помощи формативов *И* и *У*, а в конструкциях *ждать письмаА*, *купить клубникИ* значение *неопределенности* передается партикулами *А* и *И*. Таких примеров можно привести множество. Необходимо сделать оговорку: вследствие временной отдаленности партикул и вследствие их размытых границ при указании на отношение внеязыковой действительности одна и та же партикула может обозначать как определенное, так и неопределенное понятие. В связи с этим важнейшим условием является связь партикул с категорией *определенности / неопределенности*, а не прочность их семантики. В выражении *просить деньгиИ* форматив *И* связывается с представлением об определенности предмета, а в выражении *купить клубникИ* – с представлением о неопределенности предмета. Следует подчеркнуть, что данный эффект достигается отклонением от языковой таксономии. Этот вопрос касается еще и сферы родительного-винительного падежа, где винительный падеж обозначает определенный предмет, а родительный – неопределенный. В конструкциях *читаю книгуУ* и *не читаю книгуИ* форматив *У* указывает на определенность, а форматив *И* – на неопределенность. Данные формативы обнаруживают отдельные частные проявления при выражении определенности, которые, однако, не увязываются с представлением о лингвистической таксономии. Подход к партикулам с точки зрения внесистемности, однако, дает лингвисту возможность сосредоточить внимание на взаимных связях между элементами разных языковых уровней. Только на этой основе можно говорить о единстве партикул и об их генетическом родстве.

Есть все необходимые основания думать, что в сознании людей существует логико-психологическая категория *определенности / неопределенности*, закодированная в языке прежде всего с помощью частиц *А, И, У*, независимо от того, имеют ли они место в общепринятой лингвистической теории или не имеют. В принципе, такое явление системе языка не свойственно, но его можно продемонстрировать лишь при поддержке языка и в языке. Т. Николаева относит подобные единицы к явлениям скрытой языковой памяти и пишет в предисловии к монографии „Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей“, что „категориальные формы одной и той же лексемы может различать некий формант, который не воспринимается и не описывается в грамматиках как носитель какого-то самостоятельного значения“ (Николаева, ред. 2004: 8). К явлениям скрытой памяти следует отнести и частицы *А, И, У*, которые отвечают всем требованиям теории частиц и хранятся до сих пор в языке как носители разного типа абстрактных отношений между предметами. Они получают в языке свое материальное выражение. А над их истинной ценностью стоит еще поразмышлять. Следующая задача заключается в выявлении типов контекста, релевантных для функционирования описываемых компонентов:

1. Партитивность и показатели категории *определенности / неопределенности*

В самом общем смысле партитивность можно определить как логическое понятие, под которым подразумеваются отношения типа *часть / целое*, и которое указывает на количественно-выделительные операции в сознании людей. Это понятие необходимо для того, чтобы обозначить неопределенное количество или часть того или иного вещества. Неопределенность количества в русском языке обычно выражается при помощи формы родительного падежа. Ему противостоит винительный падеж, который играет роль выражения точно определенного количества. Как отмечается в словаре „Грамматическая правильность русской речи“, при глаголах *брать, взять, дать, купить, принести, привезти, выпить, съесть, налить, нарезать, достать* и т.п. „винительный падеж обозначал полный охват объекта действием, определенное количество, родительный – распространение действия на часть объекта, неопределенное количество“ (Граудина 1976: 34). Подобная тенденция наблюдается и до сих пор. Необходимо отметить, что показатели родительного

падежа, в число которого входит и партитив (с точки зрения школьной грамматики), могут указывать как на неопределенное, так и на определенное количество: *дай мне хлеба* (неопределенное значение); *тарелка супУ* (определенное значение). Во втором выражении форматив *У* указывает на конкретность, так как в данной ситуации наличествует слово *тарелка*, которое называет определенное количество нужного вещества и вместе с тем актуализирует слово *суп*, выделяет его среди других веществ (ср.: *кусочек хлебаА* и *дай мне хлебаА*, *бутылка винаА* и *налей мне винаА*). Актуализация происходит в таких случаях при помощи союза *А*. Логическая операция проводится по уже знакомой модели: *бутылка винаА, А не кефира;*, *кусочек хлебаА, А не мяса*. Показателями категории *определенности / неопределенности* во всех рассматриваемых случаях являются партикулы *А, И, У*:

А. Показатели неопределенности (*А, И, У*) – *купи маслаА и клубникИ, выпей водкиИ, дай мне хлебаА, принеси сыраА, он купил клубникИ, купи сахарУ и виноградУ*;

Б. Показатели определенности (*А, И, У*) – *он выпил водУ в бутылке, возьми деньгиИ, кусочек хлебаА, ломоть дыниИ, килограмм мясаА*.

2. Посессивность и показатели категории *определенности / неопределенности*

Категория *посессивности* обращает внимание слушающего на отношение принадлежности. В парадигме склонения посессивность обычно выражается родительным падежом: *деньги АнтонаА*. Она семантически связывается с категорией *определенности / неопределенности*, так как ее основным значением можно считать „определение названия объекта через его отношение к некому лицу или предмету“ (Ярцева, ред. 1998: 388). Описанное отношение – это своего рода языковая номинация: *сумка КатИ, велосипед девочкИ, ложка ребенкА*. В таких конструкциях связь между посессивностью и определенностью осуществляется благодаря процессу *смысловой актуализации*. Партикулы *И* и *А* в предложениях *Это дочь ИванаА* и *Сын КатИ пришел поздно* не только дают представление о принадлежности одного предмета другому, а и актуализируют, выделяют, конкретизируют название зависимого компонента: *это дочь ИванА, А не Антона;* *Сын КатИ пришел, А не сын Володи*. Кроме того, партикула *У* (в качестве предлога) указывает на обладателя того или иного предмета тем же самым образом, как и партикулы родительного падежа, что превращает их в функционально-семантические синонимы: *Это книга ИванА* и *У ИванА есть книга*

($Y=A$); Это словарь девочкиИ и Y девочкиИ есть словарь ($Y=И$). Высшую степень принадлежности (и конкретизации) можно обнаружить в конструкциях с предлогом Y , где отношение принадлежности передается двумя партикулами: Y отцаА машина, Y девочкиИ красивое платье. В других случаях идея принадлежности тесно стыкуется с логическим значением *партитивности* – рука дедушкиИ, волосы девочкиИ, крыша домаА, ветка дереваА, где очень трудно отнести конструкции к значению *притяжательности* или к значению *части целого*. Следовательно, выразителями значения *принадлежности* предмета в данной трактовке с позиции партикул служат в основном формативы А, И, У.

3. Количество и показатели категории *определенности* / *неопределенности*

Категория *количества* позволяет объединить различные предметы как однородные или выделить один предмет из класса однородных. Понятие *количество* является предельно широким, под ним в настоящей работе подразумевается то, что в грамматике называется категорией *числа*. Отношение *единство* / *множество* рассматривается как отношение *частное* / *общее*. Граммема единственного числа представляет собой переход от общего к частному (индивидуализация и конкретизация), граммема множественного числа – это переход от частного положения к общему (генерализация и отвлеченность). Переход от частного положения к общему представляет собой противопоставление индивидуального и неиндивидуального. Здесь не принимаются во внимание всякие смежные варианты типа *Собака – друг человека*, где единственное число не конкретизирует, а обобщает и генерализирует. Союзы А и И будут участвовать при расшифровке значения окончаний на основе логической конъюнкции. Так, например, слово *ручка* обозначает один конкретный предмет в предложении *Дай мне ручкУ*. Семантика определенности передается партикулой У. Значение *определенности* объясняется партикулой А (грамматический союз), и его можно трактовать следующим образом: *Дай мне ручкУ, А не карандаш; Дай мне (одну) ручкУ, А не несколько ручек*. В предложении *У меня ручкИ* окончание И.П. мн.ч. И указывает на неопределенное множество предметов – *ручка, И ручка, И ручка*. Их число неизвестно. В процессе раскодирования производит впечатление тот факт, что союз И воздействует на интерпретацию множественности в семантическом поле окончания И.

Тожественную функцию выполняет и частица *И*, которая усиливает, подчеркивает значение слова: *И он будет инженером (и=даже)*. Можно сделать следующий вывод: любая партикула сохраняет в своем семантическом поле некий кусочек действительности, который остается неизменным несмотря на то, каким статусом обладает она в языке, так как такие единицы являются внесистемными образованиями в современном лингвотеретическом плане.

4. Отрицание и показатели категории *определенности* / *неопределенности*

При помощи этой логической категории говорящий отрицает информацию, которую он не хочет принять. Отрицание указывает очень часто на отсутствие признака, на отсутствие принадлежности, т.е. на неопределенность и отвлеченность: *у него нет зажигалкиИ, у нее нет карандашА*. Слова *зажигалка* и *карандаш* употреблены в единственном числе, партикулы *И* и *А* в качестве отрицательного формата передают существительным значение *неопределенности, обобщенности*. Было уже отмечено, что значение *принадлежности* актуализирует обладателя того или иного предмета, выделяя его среди других лиц или предметов: *деньги отцаА*. Противоположный эксперимент свидетельствует о следующем факте: отрицание значения *принадлежности* имеет непосредственную связь с процессом генерализации (обобщенности): *У девушки нет зажигалкиИ*. Кроме того, существует частный случай в языковом выражении отрицания, при котором прямое дополнение при глаголе с отрицанием оформляется не винительным падежом, а родительным падежом. Выбор падежа зависит от давления значений *определенности* и *неопределенности*. При выражении определенности предпочитается форма винительного падежа, а при выражении неопределенности – форма родительного падежа: *Я не получил письмо; Я не получал письмаА*. Значение *неопределенности* выражается здесь партикулой *А*. В связи с этим огромное значение имеет число предметов – один предмет или множество предметов: *Я не читал сегодняшнюю газетуУ* (ед.ч. – определенное значение); *Я не читаю газет* (мн.ч. – неопределенное значение). Партикутивность также играет важную роль в таких процессах: *Я не попробовал масло в сковороде* (определенное значение); *Я не купил маслаА* (неопределенное значение). „Винительный падеж встречается обычно у существительных с конкретным значением, называющих отдельные предметы, известные говорящему из предыдущего“ (Граудина 1976: 36).

А. Показатели определенности – *Он не выпил водкУ, которую стоит попробовать; Я люблю свою мамУ; Мальчик уронил свою ручкУ в школе на пол.*

Б. Показатели неопределенности – *Сегодня я не купил маслА; Он не купил себе ручкИ; нет толкУ; я не получил письмА; у него нет карандашА.*

Категория *отрицания* в контексте связывается и с категорией *числа*, и с категорией *партитивности*, и с категорией *посессивности*, генерализируя вместе с тем общее значение того или иного предмета. Данные категории проявляются имплицитно, их семантика идентифицируется в контексте, где один случай отсылает к другому. Основными выразителями семантической корреляции *определенности* и *неопределенности* в семантическом поле отрицания являются партикулы *А, И, У*.

Подобных контекстов в языке можно найти множество. Намеченные случаи характеризуются асимметричностью и изоморфизмом, что располагает партикулы вне языковой системы с точки зрения современного языкознания. В этих процессах есть также и множество исключений из общей тенденции к репрезентации значения *определенности* или *неопределенности* с помощью партикул *А, И, У*. Вопрос о партикулах в данной работе решался применительно к способам их выражения и к общим тенденциям передачи значения *определенности* или *неопределенности* благодаря их помощи. Но если данные элементы *А, И, У* рассматриваются изолированно, то такой подход будет ненадежным, так как следует проследить взаимодействие некоторого множества партикул, чтобы придать этим структурам законную силу, следует определить период их возникновения и т. п. Было очень важно, однако, показать, что в языке существуют некие мелкие частички, которые не обладают системным характером, хотя они строят систему. Но несмотря на это, они организуют весь дискурс, дополняют речь, обогащают и усиливают ее значение, на них опирается любое высказывание. Они передают один из самых важных ментальных слоев в языке – значение *определенности / неопределенности*.

В современном русском языке партикулы занимают переходное положение между служебными морфемами и служебными частями речи. Это еще связано и с их двойственной природой. Во-первых, это значащие единицы языка – предлог *У*, союз *А*, частица *И* и т. д. Во-вторых, они как строительный материал входят в состав других партикул – *у+же, а+ж, и+ли*.

ЛИТЕРАТУРА

- Граудина 1976:** Граудина, Л., и др. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов.* Москва: Наука, 1976.
- Есперсен 1958:** Есперсен, О. *Философия грамматики.* Москва: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Николаева, ред. 2004:** Николаева, Т. *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. Коллективная монография.* Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Николаева 2008:** Николаева, Т. *Непарадигматическая лингвистика. История „блуждающих частиц“.* Москва: Языки славянских культур, 2008.
- Плунгян 2003:** Плунгян, В. *Общая морфология: введение в проблематику. Учебное пособие.* Москва: Едиториал УРСС, 2003.
- Ярцева 1998:** Ярцева, В., и др. *Большой энциклопедический словарь.* Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998.